

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМИ СЕМЕМАМИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бельских Д.С. Email: Belskikh1793@scientifictext.ru

Бельских Дарья Сергеевна – студент,
институт филологии

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк

Аннотация: проводится компаративный анализ анималистических прилагательных в русском и английском языках с точки зрения лингвокультурного аспекта. Затрагивается проблема сравнения языковых пространств на стыке культур. Доказывается, что процесс языкотворчества напрямую связан с восприятием реальности. Подчеркивается, что расхождения в восприятии действительности находят непосредственное отражение в языковом пространстве и обеспечивают уникальность культур и их отличительные черты. Сопоставительный анализ демонстрирует существенные расхождения в семантических планах анималистических прилагательных английского и русского языков. **Ключевые слова:** культура, действительность, ментальность, языковое пространство, семантический компонент, анималистическое прилагательное.

ENGLISH AND RUSSIAN ANIMAL ADJECTIVES: COMPARATIVE RESEARCH Belskikh D.S.

Belskikh Daria Sergeevna – student,
INSTITUTE OF PHILOLOGY

LIPETSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER P.P. SEMENOV-TIAN-SHANSKY, LIPETSK

Abstract: a comparative analysis of animalistic adjectives in Russian and English is carried out from the point of view of the linguistic and cultural aspect. The problem of comparing language spaces at the junction of cultures is brought up. It is proved that the process of linguistic creation is directly connected with the perception of reality. It is emphasized that the discrepancies in the perception of reality are directly reflected in the linguistic space and ensure the uniqueness of cultures and their distinctive features. Comparative analysis demonstrates significant differences in the semantic plans of animalistic adjectives in English and Russian. **Keywords:** culture, reality, mentality, linguistic space, semantic component, animalistic adjective.

УДК: 81-23

Значимость лингвокультурного аспекта в изучении языков трудно переоценить, потому что языковое пространство порождается культурой и является зеркалом, в котором отражаются ценности и понятия, сформированные в человеческом обществе в ходе культурного и исторического развития. Познавая окружающую действительность, человек постоянно структурирует объекты реальности, с которыми сталкивается и взаимодействует, но тот факт, что *homo loquens* стремится именовать и структурировать объекты и явления реальности, не исключает возникновения существенных номинационных расхождений между различными ментальностями и языками.

Отмеченные различия, наиболее отчетливо проявляющиеся на стыке культур, могут быть выявлены в ходе компаративного исследования. Принципиально творческий процесс создания языкового пространства не имеет степени универсальности, которая была бы применима ко всем языковым общностям, именно поэтому языкотворчество как процесс попытки отражения объективной действительности влечет за собой разнообразие форм, отражающих разную степень интерпретации и осознания явлений.

Изучение разных языковых систем трансформирует границы мыслительного пространства, расширяя представление о человеческой деятельности и объективной реальности, т.к. этнически обусловленное восприятие влияет на разнообразие в мыслительной активности и находит непосредственное отражение в языке, а именно в его лингвокультурологическом аспекте. Как писал выдающийся немецкий лингвист В. фон Гумбольдт, видевший «наивысшее наслаждение» в том, чтобы «с каждым новым языком приобщаться к новой системе мыслей и чувств», «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [2].

Отличия в восприятии реальности могут объясняться отсутствием непосредственного контакта с ней. Опосредованность восприятия детерминирована ограниченностью чувственного аппарата восприятия, который не допускает непосредственности доступа к явлениям реальности и абсолютную идентичность осмысления у различных индивидуумов, при этом оставляя возможность интеллектуальной активности

доработать и интерпретировать полученную информацию, что в свою очередь предусматривает определенную степень аналогичности [2].

Широкий спектр анималистических прилагательных в английском языке, несомненно, свидетельствует о лингвокультурной специфичности, которая детерминируется и подчеркивается этнической ментальностью, оказывающей непосредственное влияние на сформированность конкретных слов и понятий. Кроме того, антропоцентрический характер данных прилагательных свидетельствует о номинативной тенденции, заключающейся в сравнительной характеристике человека с животным. Компаративность и сопоставительная аналогичность в некоторых чертах и свойствах этих двух понятий указывает на древние корни сформированности данных прилагательных, когда первобытнообщинное устройство общественной жизни позволяло человеку находиться в тесном контакте с животным миром, что в свою очередь отражалось на мыслительной деятельности и активности ментальных процессов. Культуроспецифичные слова представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества относительно действий и размышлений о различных вещах определенными способами, и способствуют увековечению этих способов.

«Сущность человека покоится в языке... Мы существуем, выходит, прежде всего, в языке и при языке» – именно так характеризовал взаимоотношения языка и человека один из крупнейших мыслителей XX века Мартин Хайдеггер [5]. Язык представляется ему не только атрибутом человеческой сущности, но и чем-то, обретающим самостоятельность существования и имеющим возможность влиять на человеческую деятельность, проникая во все сферы бытия. Констатируя факт сращенности понятия с предметом бытия, Хайдеггер актуализирует проблематику соотношения действительности с мышлением индивида: поскольку язык – это «жилище человеческого существа», человек автоматически, с момента появления на свет, попадает в пространство и сущность языка.

Язык является своеобразным носителем культурологических аспектов осмысления реальности, которые получили определенную степень сформированности в ходе исторического развития и проникают в человеческую сущность и сознание посредством языка. Это еще раз подтверждает высказанную ранее мысль о том, что анималистические прилагательные заключают в себе отпечаток древности, истоки первобытнообщинности.

Компаративное сопоставление антропоцентрического начала с анималистическими атрибутами помогает носителю языка структурировать реальность и понимать человеческую природу в терминах животного мира, который может изучаться и восприниматься эмпирическим путем. Как отмечает В.А. Маслова, «большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей» [4].

Формирование анималистических прилагательных происходит посредством присоединения к соответствующему существительному суффиксов *-like*, *-y*, *-ish*, *-ine* или окончания *-ed*. Стоит отметить тот факт, что коннотация данных прилагательных чаще приближается к нейтральной, чем к выраженной положительной. Так, прилагательные, образованные с помощью суффикса *-like*, могут быть охарактеризованы как нейтральные, однако в редких случаях они могут нести положительную коннотацию. Например, прилагательное *birdlike* может соответствовать русскому прилагательному «птицеподобный», которое может употребляться по отношению к человеку, имеющему некоторые характерные черты, присущие птицам. Сходные прилагательные *cowlike*, *froglike*, *catlike*, *sheeplike*, *horselike*, *mouselike* могут переводиться на русский соответствующими словосочетаниями: «похожий на корову / лягушку / кошку» и т.д. Примером прилагательного с более негативной коннотацией может служить прилагательное *ostrichlike*, которое употребляется в отношении человека, который не обращает внимания на происходящее вокруг подобно страусу, закапывающему голову в землю.

Прилагательные, образованные при помощи суффиксов *-y* и *-ish*, сохраняют преимущественно негативную семантическую окраску при характеристике человека, однако в некоторых случаях встречаются анималистические прилагательные и с позитивной окраской. Так, например, английское прилагательное *bullish* может характеризовать человека, который с уверенностью и оптимистично смотрит в будущее, обладает определенной степенью уверенности в отношении того, что его ждет впереди.

Компаративное исследование английских анималистических прилагательных и зооморфных прилагательных русского языка выявляет расхождения в семантическом плане и зачастую отсутствие этимологически равноценного эквивалента в русском языке.

Скажем, прилагательное *horsey* обозначает “liking horses and being involved with them”, что не может быть односложно переведено на русский язык, а соответствующее зооморфное прилагательное «лошадиный» не пересекается семантически с прилагательным *horsey*, хоть и отражает аналогичный анималистический компонент. Прилагательное «лошадиный» может передавать идею силы, выдержки, неутомимости при выполнении физически тяжелого труда, а также отражать большие размеры

определенных частей тела, их грубость и физическую мощь. Сравните: «Идет [NN] и, по обыкновению, выставил вперед свой лошадиный подбородок» [6].

Образ лошади в русской культуре и литературе обладает особой степенью многогранности, что проявляется в разнообразии семантических компонентов, которые он может сохранять. С одной стороны, на первый план выходит грациозность и благородность этого животного, образ которого ассоциативно связан с ветром, скоростью и свободой. Широта и простор русской души уместается в этом образе, придавая ему романтический характер. С другой стороны, в данном образе также находят отражение крепостническая отягощенность и физическая выносливость. Сравните: «Где и как шел обратно, ничего он этого не помнил. Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...» [3].

Сопоставительный анализ прилагательного *sheepish* с образом овцы, присутствующим в русскоязычной когнитивной базе, отражает больше семантических пересечений. *Sheepish* означает “embarrassed because you know that you have done something wrong or silly”. Отсутствие смысловых расхождений в понимании данного образа и аналогичность созданного впечатления демонстрирует устойчивость и инвариантность представления о данном животном у народов полярных ментальностей. Присутствие сходных семантических элементов так же указывает на высокую степень аналогичности в отношении соотнесенности этого образа с человеческой личностью. Характерные черты овцы – кротость, сконфуженность, жертвенность, замкнутость, умиротворенность, боязливость – могут в то же время ассоциироваться с недостаточным интеллектуальным развитием. Однако в семантической структуре русского прилагательного «овечий» отсутствует компонент, передающий отмеченное значение, поэтому при переводе чаще всего используется прилагательное «сконфуженный», которое наиболее приближено к *sheepish* семантически.

Существуют зооморфные прилагательные, семантический компонент которых практически невозможно понять, ориентируясь на анималистический элемент, что еще раз указывает на актуальность заявленной проблематики и необходимость использования одноязычного (в данном случае – англо-английского) словаря для проверки значения и обеспечения правильности перевода. Проиллюстрируем сказанное на примере прилагательного *ratty*, в котором обнаруживается наличие двух смысловых уровней:

- 1) AmE *informal* – dirty and in bad condition;
- 2) BE *informal* – becoming annoyed quickly or easily (syn. irritable).

Первая дефиниция соответствует русскому «грязный, в плохом состоянии». Вторая же связана с воздействием на человеческий организм какого-либо раздражителя и отражает высокую степень раздражительности индивида под его воздействием. Данный пример демонстрирует явную разобщенность и несоответствие семантического элемента прилагательного *ratty* с символическим, стереотипизированным образом крысы, который сформировался в русской лингвокультуре. Русская ментальность закрепила соотнесенность образа крысы с образом жизни человека, «род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное» [1].

Ожидаемость и предсказуемость содержательности прилагательного *sluggish* довольно ярко контрастирует с только что рассмотренным словом *ratty*. Словари определяют значение *sluggish* как “moving or operating more slowly than usual and with less energy or power”. Семантика анималистического прилагательного *sluggish*, которое может быть употреблено в отношении пассивного, инертного человека, выполняющего действия с определенной степенью медлительности, полностью соответствует поведенческим особенностям слизня. Однако соответствующее существительное в русском языке, употребленное для описания человеческой личности, может отражать несколько иную семантику, но, тем не менее, совершенно точно совпадающую с особенностями и отличительными чертами слизня. Так, например, слизень в ментальности русского человека будет соотноситься со «скользким человеком», который обладает достаточной хитростью для того, чтобы выпутаться из затруднительной или даже опасной ситуации. Дополнительная семантическая нагрузка может также отражать отвратительность и безобразность человеческой внешности, которая отталкивает собеседника и способствует коммуникативному отторжению.

Прилагательное *dogged* менее предсказуемо в плане перевода, поскольку отражает аспекты восприятия образа собаки, не вошедшие в семантическую структуру русского прилагательного «собачий». Итак, *dogged* может соответствовать русскому «упорный, последовательный и твердый в осуществлении чего-либо». Предполагается, что человек, охарактеризованный с помощью подобного прилагательного, проявляет изрядное упорство и сопротивление для достижения намеченной цели, демонстрирует стойкость и неотступность при столкновении с препятствием.

Анализ анималистического прилагательного *lousy* позволяет говорить о наличии в его семантической структуре сразу нескольких семантических слоев, передающих различные оттенки значения:

- 1) *spoken of very bad quality* (syn. awful, terrible);
- 2) *spoken not very good at doing something* (syn. hopeless, terrible lousy at/with);

3) shy and nervous and having few interesting qualities.

Значение 1 может соответствовать русскому прилагательному «вшивый», т.е. «ничего не стоящий, ничтожный, плохой». Значения 2 и 3 передаются в русском языке соответствующими прилагательными, не связанными с анималистическим компонентом. Так, значение 2 соответствует русскому «бездарный, бесталанный», а значение 3 – «посредственный, скромный». Однако стоит отметить, что все три смысловых компонента демонстрируют некоторое пересечение в значении, т.к. во всех трех случаях демонстрируется отсутствие ценностных, отличительных черт личности, подчеркивается ее посредственность и неспособность привлечь внимание. Сравните:

“There was a riot going on. The patrons of the Drum tended to be democratic in their approach to aggressiveness. They liked to see that everyone got some. So, although it was the consensus of the audience that the trio were lousy musicians, and therefore a suitable target, various fights had broken out because people had been hit by badly aimed missiles, or hadn't had a fight all day, or were just trying to reach the door” [7].

Таким образом, как показывает проведенный анализ, анималистические прилагательные в русском и английском языках демонстрируют одно из фундаментальных свойств языкового знака – асимметрию. В частности, речь идет о семантической асимметрии в сопоставительном плане. Указанная асимметрия обусловлена рядом культурологических факторов, вследствие чего анималистические прилагательные в большинстве случаев не обладают этимологической прозрачностью. Семантический сдвиг, возникающий в результате отбора качеств отображаемого объекта (животного), непосредственно связан с восприятием того или иного животного в конкретном языковом обществе, что делает прилагательные с анималистическими семемами интересным объектом лингвокультурологических исследований.

Список литературы / References

1. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]: Онлайн-энциклопедия. Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigenedic/> (дата обращения 21.02.2017).
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры, «Прогресс», 1985 г. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека. Режим доступа: <https://unotices.com/book.php?id=103349&page=94/> (дата обращения 21.02.2017)
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека «Векордия». Режим доступа: <http://vekordija.narod.ru/R-RASKOL.PDF/> (дата обращения 21.02.2017).
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Хайдеггер М. Язык как дом бытия. [Электронный ресурс]: Электронный портал Проза.ру. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2011/12/26/294/> (дата обращения: 21.02.2017).
6. Чехов А.П. Скучная история. [Электронный ресурс]: Большая бесплатная библиотека. Режим доступа: <http://tululu.org/read74705/> (дата обращения 21.02. 2017).
7. Pratchett T. Soul Music. [Электронный ресурс]: Библиотека электронных книг. Режим доступа: <http://audiobook-online.com/wp-content/uploads/2013/08/161.pdf/> (дата обращения: 21.02.2017).